

0-780002

На правах рукописи

БРЫКИНА Наталья Фаридовна

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА
В ПРОЗЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2009

Работа выполнена на кафедре литературы, издательского дела и литературного творчества Государственного образовательного учреждения «Волгоградский государственный университет».

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор
Валерий Васильевич Компанеев.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Альфия Исламовна Смирнова
(Московский городской педагогический университет);

кандидат филологических наук, доцент
Елена Вячеславовна Никульшина
(Волгоградский государственный педагогический университет).

Ведущая организация — Астраханский государственный университет.

Защита диссертации состоится 12 ноября 2009 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного педагогического университета
12 октября 2009 г.

Автореферат разослан 12 октября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Е.В. Брысина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Венедикт Васильевич Ерофеев — одна из наиболее спорных и колоритных фигур русского андеграунда и постмодернизма. История творческого наследия писателя отмечена трагизмом: долгое время произведения В.В. Ерофеева не издавали на родине, и только спустя 20 лет после создания они были впервые опубликованы в Советском Союзе. «Антиобщественная проблематика» ерофеевских текстов много лет заслоняла их эстетический аспект, превращая автора в заложника политической демагогии.

За последние годы в изучении творчества Ерофеева произошло значительное смещение приоритетов: внимание исследователей сосредоточилось на раскрытии творческой уникальности автора, поэтике произведений, их эстетическом своеобразии. На сегодняшний день основная часть работ о Ерофееве связана с центральным и самым известным его произведением — поэмой «Москва—Петушки». Большую ценность представляют подробные и едва ли не построчные комментарии к тексту (Ю. И. Левин, А.Ю. Плущер-Сарно); широко освещен вопрос о культурном контексте поэмы (О.В. Богданова, Л. Бераха, А. Васюшкин, И.В. Вольфсон, С. Гайсер-Шнитман, Г. Дзаппи, Г.С. Прохоров). Ряд исследователей рассматривают произведение в аспекте традиций русской классики (В. Б. Бачинин, Б. М. Гаспаров и И. А. Паперно, Н.В. Живолупова, А. Сказа, Е.А. Смирнова), а также с точки зрения жанровой нестандартности (П. Л. Вайль и А. А. Генис, В.И. Догалакова). Самой «горячей» точкой большинства исследований является своеобразный финал произведения — смерть главного героя-повествователя (И. Я. Авдиев, М.Н. Липовецкий, Вяч. Курицын, И.С. Конрад).

Что же касается других текстов Ерофеева, то им, к сожалению, посвящено всего лишь несколько исследований, анализирующих, главным образом, философские и религиозные воззрения писателя (А. А. Генис, Т. А. Касаткина, А.Н. Безруков, И.С. Скоропанова). Новаторской работой явилась книга Н.А. Благовещенского (СПб., 2006). Ее особенность заключается в том, что это не литературоведческий труд, а анализ творчества писателя с позиций глубинной психологии. Отдельный блок составляют исследования, посвященные жизни В.В. Ерофеева, его сложной и трагичной судьбе. Это прежде всего воспоминания друзей писателя И. Я. Авдиева, А. Иванова, В. Муравьева, О. Седаковой, Н. Шмельковой, а также работы критиков В. Бондаренко, М. Н. Эпштейна и др.

Несмотря на то, что к настоящему времени изданы все ерофеевские произведения, включая записные книжки и отрывки, целостный, системный анализ *всей* прозы писателя отсутствует. Прочтение поэмы «Москва—Петушки», как правило, осуществляется в рамках традиционных эс-

тетических категорий (жанр, стиль, композиция и т.п.), что сужает ее художественный смысл. В настоящее время необходим новый подход к творчеству Ерофеева, основанный на детальном рассмотрении художественной картины мира в прозе писателя. Ранее исследователями не рассматривались произведения Ерофеева как тексты, порожденные измененным состоянием сознания (ИСС) автора. Между тем такой подход к творчеству писателя является перспективным и определяет особое место его прозаического наследия в литературном контексте XX в. Предпринятое нами исследование представляет собой попытку такого рассмотрения.

Мы полагаем, что применение результатов изучения ИСС в современной литературе позволяет расширить границы традиционного художественного анализа текста. Специфика речевого построения в аспекте ИСС, связь творческого процесса с «пограничными» ситуациями, в которых находится автор-герой, будут подробно представлены в первой главе диссертации. Сфера бессознательного и ее функционирование в художественном тексте станут предметом рассмотрения второй и третьей глав. Таким образом, особенностью литературоведческой интерпретации произведений писателя в нашем исследовании является применение феноменологического и психоаналитического подходов с опорой на лингвистику, семиотику, философию, культурологию. Сказанным выше определяется актуальность нашей работы.

Объектом исследования выступает многоуровневая художественная структура прозы В.В. Ерофеева как феномен, созданный в период смены художественных парадигм, на стыке модернистской и постмодернистской эпох и, как следствие, вобравший в себя литературные параметры данных творческих модусов.

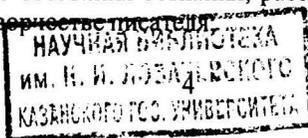
Предмет изучения — способы создания художественной картины мира в прозе В.В. Ерофеева, особенности соотношения категорий «автор» и «герой» с позиций ИСС.

Материалом диссертации является творчество Венедикта Ерофеева, в котором конкретные произведения — повесть «Благая весть», поэма «Москва—Петушки», дневниковые записи «Записки психопата», эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика», коллаж «Моя маленькая лениниана» и «Записные книжки» — рассматриваются нами как самостоятельные литературно-художественные тексты.

Цель работы — раскрытие художественной картины мира в прозе Венедикта Ерофеева как оригинальной структуры, обладающей параметрами, общими для всего творчества писателя.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1) доказать возможность идентификации автора и героя в аспекте проблемы измененного состояния сознания; рассмотреть символику «инобытия» в жизни и творчестве писателя.

2) раскрыть специфику речевого построения текстов Ерофеева, показать возможность их «матричного» прочтения;

3) охарактеризовать соотношение реального/ирреального в художественном мире писателя, проанализировать особенности пространственно-временного структурирования его произведений;

4) выявить функции сновидения; рассмотреть мифопоэтику как способ расширения художественной картины мира в прозе Ерофеева;

5) показать внутреннюю противоречивость оппозиции категорий «добро» и «зло»; раскрыть неоднозначность использования библейских мотивов в творчестве писателя; исследовать процесс демифологизации советской действительности как формы авторского противостояния злу.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных исследователей: Р. Барта, М.М. Бахтина, Г. Башляра, Ж. Деррида, И. Ильина, Вяч. Курицына, Ж. Лакана, Ж.Ф. Лиотара, М.Н. Липовецкого, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, И.С. Скоропановой, М. Фуко, М. Хайдеггера, М. Н. Эпштейна и др. Анализируя структуру сновидения и ее связь со структурой мифа, мы ориентировались на работы А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, О.М. Фрейденберг, М. Элиаде. Рассмотрение процессов измененного состояния сознания потребовало обращения к работам Д. Л. Спивака, А.В. Рассохина, В. П. Руднева; при изучении функционирования бессознательного значимыми для нас оказались психоаналитические концепции З. Фрейда и К.Г. Юнга, исследования постструктуралистов Ж. Делеза, Ф. Гваттари и др.

Методология работы обусловлена необходимостью решения указанных задач и основывается на системно-комплексном подходе, синтезирующем различные методы исследования: биографический, историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, метод структурного анализа, контент-анализ, культурологический, феноменологический, психоаналитический.

Произведения Ерофеева изучаются нами на всех уровнях организации текста: идейно-тематическом, образном, сюжетно-композиционном, лексико-стилистическом, которые принципиально не сводимы к элементарной сумме признаков, организующих художественную систему.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые предпринято целостное исследование междисциплинарного характера, содержащее в себе комплексный анализ художественной картины мира во всей прозе В. Ерофеева; рассмотрен вопрос о принципах художественного воплощения измененного состояния сознания писателя и его героев, о влиянии измененной ментальности на воплощение творческих замыслов автора.

Теоретическая значимость обусловлена разработкой методов исследования измененного состояния сознания в художественной словесности,

а также определением элементов шизофренического дискурса в текстах постмодернизма.

Практическая значимость. Основные положения диссертации могут быть реализованы в учебном процессе, в преподавании курса истории русской литературы конца XX — начала XXI в. Ключевые выводы исследования могут быть также использованы в работах, посвященных творчеству В.В. Ерофеева.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Главные герои произведений В.В. Ерофеева представляют собой alter ego автора. Художественное пространство прозы писателя возводится к единому организующему центру — авторскому Я, для которого характерны депрессивность, нестабильная самооценка, пребывание в «пограничных» ситуациях и, как следствие, ИСС. С одной стороны, ерофеевские герои опускаются на дно социальной жизни, с другой — находят для себя специфический портал с выходом в «иную» реальность.

2. Эстетические вкусы и ИСС автора-героя определяют специфику речевого воплощения повествования: внутреннюю моно-поли-диалогичность, а также возможность «матричного» разбора анализируемых текстов.

3. Ерофеевская проза построена на стыке реального и ирреального, возможного и невозможного. Преобразование пространственно-временной картины мира напрямую зависит от личности главного героя, от субъективного восприятия им параметров бытия.

4. Литературные сновидения являются способом воссоздания бредово-онейрической реальности; они тесно переплетены с мифологическими основами мироустройства, что проявляется и на смысловом, и на речевом уровнях. Тексты Ерофеева содержат многослойную мифологическую память и тем самым расширяют границы созданной им художественной картины мира.

5. Произведения писателя представляют собой столкновение двух антиномичных полюсов — христианства и советской действительности. Библейские мотивы трактуются и воспроизводятся автором неоднозначно, однако его герои, подобно юродивым, обретают спасение именно в христианском понимании этого слова. Развенчивание мифов тоталитаризма и протест против существующей системы проявляются в текстах Ерофеева в пародировании языковых штампов и догм, характерных для 1960—1990-х гг.

Апробация работы состоялась на международных, всероссийских и региональных конференциях в Волгоградском государственном университете (2006, 2008, 2009 гг.), Волгоградском государственном педагогическом университете (2006 г.), Астраханском (2008 г.), Пермском (2008 г.),

Уральском (2008 г.), Санкт-Петербургском (2008 г.) государственных университетах. Основные положения работы отражены в 9 публикациях.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 336 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *введении* обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цель, задачи, предмет и объект изучения, материал и методологическая основа анализа, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «*Автор и герой в прозе Венедикта Ерофеева*» рассматривается идентификация Я автора и Я литературных героев ерофеевской прозы, выясняются причины их ухода в «иную» реальность, посредством языкового анализа доказывается пребывание автора-героя в состоянии измененного сознания.

В разделе *1.1. «Главный герой как alter ego автора: жизнь в измененном состоянии сознания»* исследуется связь творческого процесса с «пограничными» ситуациями, в которых находится автор-герой.

Главные персонажи прозы В.В. Ерофеева являют собой alter ego автора. Особенностью «творческого тандема» героя и автора «Москвы—Петушков» стало необычное и непривычное для литературы 1960—1990-х гг. измененное состояние сознания, в котором они пребывали. Не менее важным является и то, что язык прозы писателя представляет собой шизофренический дискурс.

Изменение состояния сознания героев Ерофеева характеризуется множественностью фактов и, прежде всего, нестабильной самооценкой. Социальная принадлежность персонажей также не стабильна: Веничка из «Москвы—Петушков» — явный маргинал; Веничка из «Записок психопата» — алкоголик, несостоявшийся студент, вечно изгоняемый из общежития; рассказчик в эссе о Василии Розанове — трижды неудавшийся самоубийца. Герои Ерофеева не имеют определенного статуса в обществе. То же можно сказать и о самом авторе. Личность писателя выбивается из всех сценариев советской действительности, а чего ей это стоит и что с ней при этом делается — мы ясно видим, наблюдая за героями его прозы.

Источник отчуждения, изоляции Венички кроется в его собственной душе. Проявляется это в шизоидном расщеплении его самости на агрессивную и мягкую, нежную. Аналогичное соотношение наблюдается и в главных двойниках поэмы «Москва—Петушки» — Венедикте и Веничке,

авторе и герое произведения, причем писатель проявляет неограниченную власть над своим героем, в конце текста «убивая» его.

Следующим фактом, свидетельствующим о душевном неравновесии ерофеевского героя, являются состояния страха, скорби и тревоги, в которых он так часто пребывает. Пережитая писателем травма — потеря любимой девушки, Юлии Руновой, впоследствии сказывается на его творчестве, оборачиваясь цинизмом и горькой иронией. Как много значила в жизни Венедикта эта женщина, можно судить уже по тому, что кровавую букву «Ю», всплывающую в финале поэмы в глазах главного героя, никто из его друзей иначе и не понимал, как воспоминание о Юлии. В тексте поэмы акцент сделан также на том, что букву «Ю», единственную из алфавита, знает младенец. И в этом случае, как нам кажется, автор переносит свою травму на ребенка, своего сына. Не зря ведь он назвал его своим именем — Венедикт.

Одной из причин проявлений шизофренического дискурса в прозе Ерофеева является также то, что в раннем возрасте писатель был разлучен с отцом, а когда будущему художнику слова не исполнилось и восемнадцать лет, его отец скончался. Венедикт Ерофеев жил и творил в социалистическую эпоху, когда в советской действительности 1950—1980-х гг. присутствовал режим отторжения реального отца и психопатического поклонения «Имени Отца», роль которого играли вожди — Ленин и Сталин. В связи с этим не вызывает удивления эдипальная проблематика, столь характерная для XX в. в целом и для творчества Венедикта Ерофеева в частности.

Таким образом, шизофреническая направленность дискурсов Ерофеева обусловлена, на наш взгляд, потерей любимых объектов: отца, сына, любимой женщины. В итоге тем объектом, который, в отличие от людей, не предаст и не продаст, становится алкоголь.

Аналізу неоднозначности и амбивалентности роли алкоголя в творческом наследии писателя посвящен раздел *1.2 «Символика “инобытия” в жизни и творчестве В.В. Ерофеева»*. Алкоголь, ставящий писателя на грань бытия, является роковым и центральным вопросом для понимания и интерпретации его творческого наследия. Художественный смысл увлечения главного героя «Москвы—Петушков» и «Записок психопата» алкоголем проясняется культурной ветвью русского юродства — именно в «бунтующей грусти» сосуществуют, взаимоперетекая, святость и пьянство.

В своем главном произведении, поэме «Москва—Петушки», Веничка предпочитает исключительно горькие настойки — «Кориандровую», «Охотничью», «Зубровку». Символично, что герой начинает похмеляться именно с этих настоек — горечь с первых строк произведения становится одним из основных «вкусовых» ощущений, сопровождающих Веничку на

протяжении всей поэмы. Когда герой предлагает столь отвратительные смеси, это может означать лишь одно — он воспринимает их как своеобразное лекарство, способное излечить его страдающую душу. Но алкоголь в этом случае обладает двойственной природой: он «хороший», излечивающий, но он же, по существу, — убивающий.

«Болезнь души» и депрессивные настроения писателя закономерно выливаются в несколько попыток самоубийства, что мы и наблюдаем на страницах «Записок психопата». Впоследствии танатологические мотивы станут настойчиво повторяющимися в творчестве Ерофеева: «Москва—Петушки» заканчивается смертью главного героя, более раннее произведение «Благая весть» — тем же, эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» начинается с того, что автор-рассказчик пытается покончить с собой разными способами, а драма «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора», как апогей, завершается всеобщей смертью всех героев, по ошибке выпивших этанол вместо винного этилового спирта.

В то же время в художественном мире писателя алкоголь предстает концентратом инобытия, своеобразным катализатором, с помощью которого автор и его герои обретают другой мир — мир свободы, прежде всего — творческой. Омытый «Слезой комсомолки», ерофеевский мир рождается заново. Именно отсюда — то ощущение полноты и счастья жизни, которое, переполняя текст, заражает читателя.

В разделе 1.3 *«Специфика речевого построения прозы В.В. Ерофеева»* речевые и языковые структуры анализируемых текстов исследуются в аспекте измененного состояния сознания автора-повествователя. Стихия необычного и отчаянно-смелого сознания ерофеевских персонажей находит свое выражение в речевых структурах. Герои прозы писателя пребывают в состоянии измененного сознания, непосредственным репрезентантом которого является язык в его речевой форме. Учитывая результаты исследований Д.Л. Спивака в области филологии измененных состояний сознания (ИСС), произведения Ерофеева следует отнести к текстам ИСС.

Во-первых, для прозы писателя характерна близость к стихотворной речи, насыщенность метрическими фрагментами, обилие различных видов повторов и устойчивых сочетаний. Во-вторых, все ерофеевские тексты содержат эмоционально окрашенную, экспрессивную и бранную лексику (за исключением «Моей маленькой лениниань»). В-третьих, в поэме «Москва—Петушки» глаголы преобладают над именами, что выявлено нами в ходе контент-анализа и также свидетельствует о ИСС. Наиболее частотной по употреблению является группа глаголов с корнем от «пить» — «выпить», «напиться» и т.д. В-четвертых, в «Москве—Петушках», подобно текстам, созданным в ИСС, параллельно собственно фразеологизмам употребляется заместительная и инвективная лексика.

Поэма «Москва—Петушки» проанализирована в диссертации как своего рода «матричное» образование. «Матричный» текст может быть как средством ввода в ИСС, так и порождением ИСС. Мы полагаем, что Венедикт Ерофеев намеренно вводит своего героя в измененные состояния сознания как бы «с двух сторон»: непосредственно употреблением алкоголя и использованием соответствующего строя языка.

Яркий пример организации текста как «матричного» в прозе автора представляет и повесть «Благая весть». При анализе этого произведения практически весь текст можно разбить на «слитки матрицы». Методы филологии измененного состояния сознания в анализе «Москвы—Петушков» и «Благой вести» обнаруживают неожиданное сближение их ритмики и синтаксиса со словесным строем молитвы.

Используя технику «матричного» анализа, мы выяснили, что ИСС автора и его персонажей становится одним из наиболее важных текстообразующих средств в произведениях писателя. С ее помощью мы выявили семантическую и структурную «многослойность» художественных построений Ерофеева.

Объект рассмотрения второй главы *«На пороге миров. Реальное и ирреальное в прозе Венедикта Ерофеева»* составляют сфера бессознательного автора-героя и способы ее реализации в тексте.

В разделе 2.1 *«Особенности пространственно-временного структурирования»* время и пространство анализируются на нескольких уровнях: географическом, библейском, общемировом, бытовом и бытийном; выявляется бессознательный характер пространственно-временного структурирования прозы писателя. Особым индивидуальным пространством ерофеевских персонажей является путь. Поэма «Москва—Петушки» представляет собой лабиринт, застывший и пространственно замкнутый в своей территориальной конкретности мир. Эквивалентом топологического понятия непрерывности и неделимости у Ерофеева выступает а л к о л ь , но именно из-за него Венечка не может преодолеть пространственно-временную замкнутость.

Герой путешествует в пятницу. С этим днем недели связаны страшные факты из жизни самого писателя: три покушения на самоубийство приходились на пятницу, в пятницу скончались его отец, брат и мать. Дата смерти Ерофеева 11 мая 1990 г. — тоже пятница, на что ранее не обращали внимания исследователи его биографии и творчества.

Путь главного героя субъективен, а потому лишен динамики. События «Москвы—Петушков» длятся не более двух часов, но за это время перед читателем разворачивается вся человеческая история, раскрывается ее мифологическое наполнение. Пространство и время в поэме сжимаются, растягиваются, разветвляются и замыкаются в к о л ь ц о . Это обусловлено

тем, что события, реально происходившие в разное время и в разных точках пространства, в бессознательном состоянии могут восприниматься как одновременные и сосредоточенные в одном месте.

Переход героя из плоскости текста в пространство литературного творчества усиливает мотив л е с т н и ц ы . Спуск по лестнице в «Москве—Петушках» особый: являясь по сути нисхождением в загробный мир, он противоположен последнему по цели и смыслу — он ради жизни, ради поездки в блаженные Петушки. Подъем же по лестнице, символизирующий восхождение и обретение силы, у Ерофеева также предполагает инверсию — ведет к физической смерти. Однако при этом возрождается жизнь духовная.

Хаос поэмы создается также и через острое отсутствие Космоса, порядка. Пространственным эквивалентом порядка, на наш взгляд, в поэме мог бы послужить д о м . Но дом в «Москве—Петушках» отсутствует. Произведение начинается уже со ступенек, причем «неизвестного» подъезда, там же оно и заканчивается. Подъезд возникает в начале поэмы, чтобы в конце замкнуть в себя весь мир.

Одним из ключевых классификаторов и наиболее глубоких символов в произведении является о к н о . Оно образует границу между «внутренним» и «внешним», дает надежду на выход из кризисного положения, на спасение, но эта надежда — ложна. Герой, томимый пространственной узостью и страхом, устремляется к окну в надежде найти простор и свободу. Но для Ерофеева окно — не окно, а «нет-окно», «минус-окно»: оно таит за собой лишь тьму.

Создание картины бытия в форме самоорганизующегося хаоса присуще еще одному произведению автора — «Благой вести». Повесть представляет собой ирреальный переход ерофеевского персонажа в пространство условного испытания. Выход к проблемам бытия осуществляется главным героем с помощью обновленного взгляда на мир, и взгляд этот всецело имманентно-индивидуален.

Раздел 2.2 «Сновидческое миромоделирование и его формы» посвящен рассмотрению поэтики сна и анализу онейрических состояний героев Ерофеева.

Один из потусторонних миров в текстах писателя является порождением сна. Сновидения относятся к виртуальным реальностям, к измененным состояниям сознания. В прозе Ерофеева реальности будничная и фантазмагорическая, порожденная алкоголем, сосуществуют, продуцируя бредовые сны. На страницах его произведений предстает не только ирреальный мир, но и ирреальный герой, вполне соответствующий этому миру. В поэме «Москва—Петушки», начиная с главы «Орехово-Зуево», главный герой создает отдельную онейрическую реальность, которая в дальней-

шем усугубляет его несчастья. Возникает мотив потери пути: герою нужно не в Кремль, а в Петушки. Сон, явь и алкогольный бред перемешиваются.

Центральным сюжетом Веничкиного сна становится бескровная революция в Петушкинском уезде, «между деревней Тартино и деревней Елисейково». Герой участвует в ней против своей воли. Неприятие кровавой стороны революции было характерно для русской интеллигенции. Поэтому в сновидении возникает переворот без насилия: отечественная история приобретает сновидческую абсурдность, в том числе и с помощью языкового строя эпизодов, в которых описываются сновидения.

«Москва—Петушки» заканчивается фразой «И с тех пор я не приходил в сознание...». Этот же мотив звучит и в «Записках психопата», и в «Благой вести». Герой выбирает для себя пребывание в бессознательном состоянии, т.к. сознание, поочередный выход из сна и алкогольного опьянения, приносит только боль, открывают трезвую и жестокую картину мира. Поэтому смерть в общепринятом восприятии как раз и значит для героя долгожданное возрождение в его узком понимании, является единственно возможным выходом в иную (свою) реальность. Видимо, поэтому частым мотивом сновидений у Ерофеева является смерть, а затем и похороны самого себя.

В «Записках психопата» писатель обращается к сочетанию разных миров — сна и яви. В его произведениях зачастую размывается грань между сном и бодрствованием, действительностью и видением. В конце концов оказывается, что сновидения — всего лишь еще одна псевдореальность. Воплощением абсурда является ерофеевская теория «вертикального сна». Герою «Записок...» трудно найти какой-нибудь определенный ответ: сплю или не сплю? В нашем исследовании приведены несколько наглядных примеров.

Онейрическая основа прозы Ерофеева очевидна. Несмотря на то, что в «Благой вести» как будто нет сновидческого контекста, все происходящее в ней иллюзорно, нереально, а следовательно, происходит либо во сне, либо в другом состоянии, соотношенном с онейрическим. Повествование начинается со смещения времени, а заканчивается смещением пространства. Мир снов у Ерофеева возникает на границе/поверхности сознания. Практически все его произведения (за исключением «Моей маленькой ленинианы») пронизаны бессознательным состоянием сна. Вводя своего героя в онейрическое состояние, автор имеет возможность максимально глубоко заглянуть в его подсознание. Поэтому сон у Ерофеева — это даже не выход в инобытие, а подтверждение бесконечной многоуровневости мира, одна из форм измененного состояния сознания.

В разделе 2.3 «*Мифопоэтика как способ расширения художественной картины мира*» архетипические мотивы и ситуации рассматривают-

ся как ключевые элементы художественной картины мира прозы Ерофеева. Особенностью мифологической структуры произведений писателя является то, что мифотворчество зачастую сочетается у Ерофеева со сновидением и неумеренным приемом алкоголя, что усиливает онейрический эффект и позволяет вскрыть наиболее глубокие пласты коллективного бессознательного. События, описанные в «Москве—Петушках» и в «Записках психопата», происходят в пространстве внутреннего мира автора-героя, что позволяет квалифицировать уровни этих текстов как глубинно-психологические.

В «Москве—Петушках» главный герой встречает хвостатых собеседников -- Сатану и Сфинкса. Важно вспомнить, что в библейском мифе Сатана искушал Иисуса Христа и примерно таким же способом, как и героя Ерофеева: Иисусу предлагал сброситься вниз с крыла храма, Веничке — под откос мчащейся электрички. Сфинкс — такое же порождение хаоса, как и Сатана. В поэме он лишен конечностей, что делает его еще ужаснее, чем в мифе об Эдипе.

«Москва—Петушки» содержит в себе мотивы эдипальных конфликтов. Нечто вроде отцовской фигуры представляет в поэме контролер Семеч. Веничка, как Эдип, убивает своего «отца» — случайно (?) ставит у входных дверей, после чего тот падает и разбивается. Об этом свидетельствует и хор эриний, несущихся за ним по вагону. Напомним, что эти хтонические божества мстили отцеубийцам и клятвопреступникам.

Не менее важным в мифологическом контексте поэмы является образ петушкинской красавицы. «Белобрысая дьяволица» — важнейшее звено мотивной структуры и наиболее полное воплощение авторской концепции мира. Специфика этого образа заключается в его двойственности. У Ерофеева героиня — «сука», «потаскуха» и одновременно «божество». Сочетание в одном образе противоположных свойств и характеристик дает возможность установить соотношенность петушкинской красавицы с комплексом архаических женских божеств: героиня «Москвы—Петушков» сочетает в себе черты Мокоши и святой Пятницы, тем самым обнаруживая связь со смертью и жизнью одновременно.

Интересным представляется и телесный акцент в описании возлюбленной героя. Мифологический мотив «тело—космос» пересекается с отмеченным М. Элиаде традиционным уподоблением «дом — Космос — человеческое тело». В связи с этим наше предположение об отсутствии у Венички дома как символа мира должно быть дополнено выводом о том, что для героя таким символом выступает тело любимой женщины. Петушки — не просто конечная цель путешествия Венички, это место его единения с женщиной, место обретения покоя, радости, дома в высшем смысле этого слова.

Очевидно, что произведения Ерофеева вобрали в себя культурные универсалии различных эпох, что позволяет рассматривать анализируемые тексты как воплощение идеи всеединства мира. Обращение писателя к мифу объясняется творческой потребностью заново космологизировать мир, преодолеть реальный жизненный хаос, превратив его в художественный Космос. Наполненность прозы Ерофеева мифологическими пластами несет в себе огромную культурную информацию и расширяет границы создаваемой им художественной картины мира.

В третьей главе *«Категории добра и зла в прозе В.В. Ерофеева и специфика их выражения»* проанализированы два полюса в творчестве писателя — использование библейских мотивов и пародирование мифологием тоталитарного режима Советского государства.

В разделе *3.1 «Библейские мотивы в прозе В.В. Ерофеева: многовариантность интерпретаций»* прослеживаются неоднозначность отношения автора к христианской религии и своеобразию использования евангельских мотивов в его произведениях.

Тема Бога — одна из самых значимых в творчестве писателя. Характерной особенностью прозы Ерофеева является включение библейских мотивов в вызывающе сниженное смеховое повествование. Герои его произведений ориентированы одновременно на две различные художественные стихии — мир грубой и грязной современности и сакральный мир Евангелия. Интересно, что прямых цитат из Библии в тексте поэмы «Москва—Петушки» практически нет. Автор избегает дословного цитирования библейских формул, заканчивает цитаты по-своему. В результате такого типа цитирования ерофеевский текст как бы оживает и продолжает свое развитие. Мы приводим и анализируем несколько примеров цитат, наиболее совпадающих с первоисточником.

Повесть «Благая весть» рассказывает о духовном прозрении автора под воздействием идей Ф. Ницше. История мира открывается новообращенному под углом зрения «философии жизни». Однако со временем Ф. Ницше сменил В. Розанов, «философия жизни» была заменена модернизированным христианством. Главная цель автора — провести некую историческую параллель точек зрения на существование или не-существование Бога. «Благая весть» может считаться опытом напряженного религиозного переживания.

Финал поэмы «Москва—Петушки» часто воспринимается критиками однозначно — как смерть главного героя. О том, кто были «эти четверо», убившие Веничку, спорили и спорят до сих пор. Наиболее интересные интерпретации, на наш взгляд, предложили И. А. Паперно и Б. М. Гаспаров, И. Я. Авдиев, Ю. И. Левин, Н.А. Благовещенский, П. Л. Вайль и А. А. Генис. Многие исследователи полагают, что «четверка» убийц —

Ангелы Господни. Мы же считаем такое суждение не обоснованным: Ангелы и Бог в последней главке явно противопоставляются этой «четверке». Кроме того, финальную сцену можно воспринимать не как смерть, а как переход героя в иное состояние, своеобразную сублимацию в творчество.

Развенчиванию мифов тоталитарной культурной системы в творчестве В.В. Ерофеева посвящен второй раздел 3.2 *«Демифологизация советской действительности как способ авторского противостояния злу»*. Работы и высказывания классиков марксизма-ленинизма, советская печать, партийные и государственные документы, официальная культура — вот неполный перечень предметов авторского пародирования советской действительности. В своем исповедальном слове герой Ерофеева отрицает упорядоченный мир, мир-схему социалистического общества. Болезнь души, которую констатирует в себе Веничка, — своеобразная метафора внутреннего разлада. В его системе ценностей быть здоровым хуже, чем быть больным. Ерофеев доказывает, что неприятие обезбоженного мира, основанного на «разумной необходимости», оправданно. И выход, который находит писатель, — в вере в Бога.

Прозаическое наследие Ерофеева пронизывают мотивы полного отрицания и неприятия идей Ленина и его соратников. В «Москве—Петушках» насчитывается свыше двадцати как дословных, так и трансформированных цитат и перефразировок текстов В.И. Ленина. «Моя маленькая лениниана» представляет собой сборник цитат из полного собрания сочинений В.И. Ленина и отрывков из его переписки с современниками, после которых или перед которыми писатель дает свою оценку процитированным фрагментам. С горькой иронией комментирует Ерофеев письма «вождя пролетариата», отличающиеся беспощадностью и жестокостью.

Окончательно избавиться от идеологического дурмана и однозначных характеристик этого «удушающего» мира помогает автору «русский Ницше» — Василий Розанов. Этот процесс показан художником слова в эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика». Герой-индивидуалист Ерофеева подобен автобиографическому герою В.В. Розанова, традиции которого он продолжает в «Москве—Петушках». Однако Розанов не только довершил начатое Ницше, но и дал писателю то, чего тот у немецкого философа не находил: Ницше опозитизировал сверхчеловека, Розанов (в собственном лице) — юродивого. Розанов оправдывал слабость, сострадание и жалость, и именно по этой причине Ерофеев почувствовал в нем родную душу.

Мы далеки от мысли, что можно говорить о прямом противостоянии героев Ерофеева тоталитарному коммунистическому режиму. Веничка Ерофеев, «ни о каком противоборстве не помышляющий», противопоставлен не только конкретному социуму, но и всему окружающему миру, действительности, враждебной ему. Коммунистический же режим (Кремль,

упоминания К.Маркса, Ф.Энгельса, Ленина, цитаты и аллюзии к их работам) является в данном аспекте лишь высшей точкой, квинтэссенцией этой действительности.

В *заключении* диссертации подводятся итоги проведенного исследования и формулируются основные выводы. Эстетическая оценка Венедиктом Ерофеевым мироустройства сводится к тому, что мир утратил свою целостность. В своих произведениях автор манифестирует свободу как личную, так и творческую. Зачастую для этого ему приходится использовать такой эпатажирующий прием, как уход в измененное состояние сознания. В конце диссертационного исследования намечены перспективы изучения выбранной темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Брыкина, Н.Ф. Специфика языкового построения поэмы Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки» / Н.Ф. Брыкина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. — 2009. — № 1 (9). — С. 189—193 (0,25 п. л.).

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

2. Рахматулина (Брыкина), Н.Ф. Интертекстуальные ряды поэмы Вен. Ерофеева «Москва—Петушки» / Н.Ф. Брыкина // XI региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 8—10 нояб. 2006 г. : тез. докл. Напр. 13 «Филология». — Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. — С. 22—24 (0,1 п. л.).

3. Рахматулина (Брыкина), Н.Ф. Своеобразие реального и ирреального в поэме Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки» / Н.Ф. Брыкина // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы Второй Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 24—26 апр. 2007 г. : в 2 т. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. — Т. 2. — С. 342—347 (0,3 п. л.).

4. Брыкина, Н.Ф. Функции интертекстуальности в поэме Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки» / Н.Ф. Брыкина // Мировая литература в контексте культуры : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (12 апр. 2008 г.) и Всерос. студ. науч. конф. (19 апр. 2008 г.) / под ред. Н.С. Бочкаревой ; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2008. — С. 15—17 (0,2 п. л.).

5. Брыкина, Н.Ф. Демифологизация советской действительности в поэме Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки» / Н.Ф. Брыкина // Картина мира в художественном произведении : материалы Междунар. науч. Ин-

тернет-конф., 20—30 апр. 2008 г. / сост. Г. Г. Исаев. — Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2008. — С. 71—75 (0,4 п. л.).

6. Брыкина, Н. Ф. Алкогольный миф поэмы Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки»: неоднозначность прочтения / Н. Ф. Брыкина // Русская литература в мировом, культурном и образовательном пространстве. Место и роль русской литературы в мировом образовательном пространстве : материалы конгресса : в 2 т. Санкт-Петербург, 15—17 окт. 2008 г. / под ред. П. Е. Бухаркина. — СПб. : МИРС, 2008. — Т. II. — Ч. 2. — С. 171—175 (0,35 п. л.).

7. Брыкина, Н. Ф. Жанровая нестандартность поэмы Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки» как следствие особенностей авторского сознания / Н. Ф. Брыкина // Дергачевские чтения—2008: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9—11 окт. 2008 г. : в 2 т. / сост. А. В. Подчиненов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — Т. 2. — С. 35—42 (0,4 п. л.).

8. Брыкина, Н. Ф. Особенности жанрового построения поэмы «Москва—Петушки» Венедикта Ерофеева / Н. Ф. Брыкина // Проблемы модернизации региона в исследованиях молодых ученых : материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. г. Волгоград, 19—20 марта 2008 г. / ВолГУ ; редкол. : О. И. Сгибнева (отв. ред.) [и др.]. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. — С. 264—267 (0,1 п. л.).

9. Брыкина, Н. Ф. Сновидческое миромоделирование в прозе Венедикта Ерофеева / Н. Ф. Брыкина, В. В. Компанец // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8, Литературоведение. Журналистика. — 2009. — Вып. 8. — С. 59—67 (0,75 п. л.).

БРЫКИНА Наталья Фаридовна

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА
В ПРОЗЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА

Автореферат

Подписано к печати 08.10.2009 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,2. Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 110 экз. Заказ 528

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27

167-2